

Социальная организация и общинные отношения тазов (середина XIX — начало XX вв.)

Анатолий Фёдорович Старцев,

доктор исторических наук, институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: starcev.42@mail.ru

В статье рассматривается проблема общественных отношений тазов, ранее никем не исследованная. Основная цель данной работы — изучение разносторонних отношений тазов через анализ территориального законодательства и соотнесение его статей с жизнью этого и других аборигенных народов края.

У тазов отсутствовал род и, как следствие, родовые отношения. Вместо рода существовала территориальная община местного населения, в её состав входили не только тазы, но и люди других этносов — китайцы, удэгейцы, гольды, орочи и др., которые строили свои отношения на основе местного законодательства китайского толка. Каждая долина реки во второй половине XIX в. представляла собой как бы отдельное маленькое государство, в котором были свои особые законы. Ещё в 1950-е гг. старики-тазы хорошо помнили нормы, которые регулировали взаимоотношения охотников и рыбаков внутри общины: например, за украденного из ловушки зверя полагался штраф. Однако это наказание было относительно «безобидным», гораздо строже люди карались за кражу из амбаров или домов. За нарушение долинных законов виновные избивались палками до полусмерти или закапывались живьём в могилу. Автор приходит к выводу о том, что на мировоззрение и общественные отношения тазов, гольдов и других аборигенных народов Приморья вплоть до начала XX в. оказывали влияние китайцы. Многие законы были ориентированы исключительно на китайских отходников, учитывали их социально-экономические интересы.

Ключевые слова: территориальная община, общественные отношения, китайцы, тазы, орочи, удэгейцы, закон, судьи, подчинённые, провинность, наказание, избивание палками, смертная казнь.

Social organization and community relations of the Taz people (middle of the 19th century — beginning of the 20th century).

Anatoliy Starcev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS. Vladivostok, Russia. E-mail: starcev.42@mail.ru.

The paper deals with the problem that has never been studied before — social relations of the Taz people. The main purpose of this work is to examine various relations of the Taz people through the analysis of the territorial legislation and its correlation with the life of this and other indigenous peoples of the region.

The Taz people didn't have a clan and, as a result, tribal relations. Instead, there was a kind of territorial community of the local population; it consisted not only of the Taz people but also of people of other ethnic groups — the Chinese, the Udege people, the Golds, the Oroch people and others who were building their relations on the basis of the local legislation in a Chinese way. In the second half of the nineteenth century, each valley was like a separate little state with its own laws. Even in the 1950s, the old Taz people remembered the norm which regulated the relations between hunters and fishermen in the community: for example, there was a fine for a theft of an animal from a trap. However, this punishment was relatively "harmless"; people were stricter punished for thefts from barns or houses. For violation of valley laws, guilty people were caned half to death or buried alive. The author concludes that the Chinese influenced world view and social relations of the Taz people, the Golds, and other indigenous peoples of Primorye until the early twentieth century. Many laws were exclusively focused on Chinese migrant workers and took into consideration their social and economic interests.

Keywords: territorial community, social relations, Chinese, Taz, Orochs, Udeges, law, judges, subordinate, fault, punishment, caning, death penalty.

В отличие от тунгусо-маньчжурских этносов Приморья и Приамурья, у которых в конце XIX в. ещё сохранялась родовая организация со всеми её общественными особенностями, у тазов рода не было, поэтому вместо родовых имён у них существовали фамилии. «Структура фамилий тазов в большинстве своём китайского типа и представляет собой следующую модель: фамилия + имя + местожительство отца. Но в отличие от китайской фамилии компоненты этой модели соединены вместе и мыслятся как неделимое целое» [7, с. 23]. Например, Хишен, Фуенцун, Уболин, Улайси и др. В настоящее время за такой фамилией следуют имя и отчество русского происхождения, например, Утайсин Владимир Иванович. Вместо рода и других общественных институтов, при помощи которых управлялась родовая община гольдов, орочей и удэгейцев, у тазов были законы, которые вырабатывались китайскими отходниками вместе с местным населением.

Тазы и орочи, как отмечает В.К. Арсеньев, для китайцев являлись отверженной частью местного населения, лишённой всяких прав. «Здесь можно видеть рабство в таком же безобразном виде, в каком оно было когда-то в Америке в отношении к неграм. Отнимание детей у матерей, насильная продажа жён, наказания плетью, бесчеловечные пытки и увечья — это обычные явления в Уссурийском Крае» [3, с. 631]. В связи с тем, что тазы имели право на земельный надел, огнестрельное оружие и охоту на копытных и пушных животных, то китайцы очень часто называли себя тазами, чтобы избежать участи быть изгнанными из Приморья и Приамурья. «Теперь почти невозможно отличить таза от китайца ни по языку, ни по религии, ни по одежде. Они совершенно утратили свой ороцкий облик» [3, с. 631]. Эту идентичность китайцы использовали в своих целях. Перед русскими властями они представлялись в качестве тазов и даже получали земельные наделы, в то время как настоящие тазы подвергались выселению

из края. «К сожалению, — отмечал Арсеньев, — такие ошибки были не единичными за последние 3—4 года около залива Св. Ольги» [3, с. 632].

Китайцы использовали любую возможность, чтобы закрепиться в доме таза и со временем сделать его своим должником. «Если намеченный инородец не в кабале и потому несговорчив, китайцы прибегают к следующим приёмам: они берут красные бумажки, пишут на них его имя и фамилию, идут к могилам и там сжигают эти бумажки, как по умершему. Орочи страшно боятся этого. По внушению китайцев, сжигание фамилии живого человека должно привести за собой несчастье, болезни и смерть. Это чрезвычайно сильно действует на воображение запуганного дикаря, и он сразу становится уступчивее» [3, с. 633].

Следует сказать, что китайцы знали много приёмов закабаления аборигенов края. «Сперва они приучают их пить «ханшин» (китайская водка), к которой примешивают немного опия. Как только пациент начнёт болеть, китаец предлагает ему покурить опий. С этого момента таза у него в руках — это его рабочий, раб, скот, животное» [3, с. 633].

Значительные по площади территории Уссурийского края, занимаемые тазами, китайцы разделили на участки по долинам рек. «На каждой реке есть свой хозяин — кредитор (цай-тун). Все орочи, все тазы, живущие в этой долине обязаны: 1) делать закупки только у него одного по цене, которую он сам единолично устанавливает, и 2) сдавать ему за долги всю пушнину, все панты и жень-шень, буде такой найден. Продажа этих предметов на стороне жестоко наказуется» [3, с. 635].

Строй жизни китайцев в Уссурийском крае поражал наблюдателя своей оригинальностью. «Эта замечательная организация заслуживает того, чтобы о ней поговорить подробнее. И здесь опять-таки мы видим только один неумолимый закон тайги: „Кровь за кровь“ и „Око за око“. „Прощенья нет“ — вот тезис, вот главное основание закона! Надо поражаться той железной дисциплине, которая связывает сочленов этой ассоциации между собой. На каждой реке китайцы живут своею особой жизнью, совершенно не похожей на тот строй, который существует у них в Китае, и в то же время удивительная солидарность царит между ними. Каждая долина реки представляет собою как бы отдельное маленькое государство. В каждой долине свои особые законы: „Тунь-Дянь-Лу“, как говорят китайцы, т.е. „Всеобщее оповещение правила“» [3, с. 649—650].

Ещё в 1950-е гг. в памяти стариков-тазов сохранялись законы, которые регулировали взаимоотношения бывших охотников и рыболовов внутри их общины. Интересно, что эти нормы не соответствуют нашим представлениям о связи тяжести проступка или величины ущерба с мерой наказания. Например, за кражу зверя из ловушки полагался штраф (вещами), причём самый большой — за кражу белки или хорька. Шкурки этих зверьков стоили очень дёшево, и их кража рассматривалась просто как непростительное хулиганство. И, наоборот, к человеку, укравшему соболя, отношение было куда мягче, хотя шкурка соболя ценилась очень высоко. Продав её, человек мог поправить свои дела, и это соображение имело решающее значение для определения меры наказания. Учитывалась также бедность

или охотничье невезение укравшего. Поэтому за кражу соболя полагался штраф в 10 раз меньше, чем за колонка или белку» [6].

Однако взыскание за кражу зверя из ловушки было относительно «безобидным» — гораздо строже люди наказывались за хищение из амбаров или жилых помещений, что будет подробно рассмотрено далее.

Территориальные или долинские законы обновлялись один раз в три года. Через три года со всей долины около общественной кумирни собирались китайцы и тазы. Здесь осуществлялся коллективный молебен, сжигались по усопшим позолоченные и серебряные бумажки *Кен-ен-бо*. По окончании этого обряда присутствующие приступали к выбору новых должностных лиц, в их состав входила охотничья дружина *пао-тоу*, которая под руководством своего начальника *Чжан-Бао* занималась уничтожением отрядов хунхузов и отлавливанием разных преступников. Среди китайцев избирался главный старшина *Цзун-Да-Е*, главный исполнитель закона (прокурор), два главных помощника старшины *Бань-Да-Е*, три судьи *Минь-гуань*, главный писарь *Тун-ли*, его помощник *Бань-Тун-ли*, Защитник (адвокат) *Тэхуси*, ответственный за доставку почты *По-Гун-дао* и другие должностные лица. Собравшиеся изменяли, дополняли или вырабатывали новые законы, которые зачитывались вслух и подписывались всеми присутствующими. Имена тазов заносились после китайцев в самом конце списка [3, с. 650—651].

Во второй половине XIX в. на Имане существовало общество *Гун-и-хуэй*, члены которого руководствовались специально составленными законами. В них определялись права и обязанности каждого. Следует отметить, что в этих законах в основном содержались обязанности. В законодательной основе Иманского общества *Гун-и-хуэй* имелось 36 законов, которые предусматривали то или иное наказание за нарушение территориального законодательства. Пять (№№ 2—6) из 36 предполагали смертную казнь — утопление в воде и зарытие живьем в землю, два (№№ 9—10) — палочные удары и изгнание человека из долины, 19 законов предусматривали от 20 до 40 палочных ударов и 10 законов — разные наказания, чаще всего связанные с уплатой денежного штрафа.

Содержание статей законов охватывало все случаи жизни. Здесь имелись положения, предостерегавшие людей от убийств, злодеяний, разбоя, воровства, насилия, предполагавшие выполнение различных поручений представителей долинной администрации и т.д., и т.п. При этом за неповиновение или какое-либо злодеяние преступника закапывали в землю живьем или били палками по пяткам так, что виновный часто становился калеккой. Китайские отходники безнаказанно творили суд и расправу над тазами, гольдами и орочами. Так, например, в конце XIX в. «по приговору китайских судей, один ороchon был зарыт живым в землю за то, что убил китайца, укравшего у него жену» [4, с. 153].

Тазы и особенно китайцы тщательно скрывали от русских деятельность долинной организации и свои законы. Следует особо отметить, что дисциплина исполнения любых поручений была доведена до крайности. Нарушение дисциплины или статьи закона часто каралось смертью. «В руках главного исполнителя закона (*Тун-цзун-ли*), как символ власти, имеется красная дощеч-

ка, на ней надпись: „Ни ветер, ни дождь не задержат“. Если он, придя в фанзу, показывает людям эту дощечку, все тотчас же должны были бросить всякую работу, как бы она ни была спешной, и делать то, что он им укажет» [3, с. 651].

Долинные законы были очень суровы. Например, правила *Тун-Дян-лу*, обязательные для всех жителей долины, независимо от этнических особенностей:

- Если злодей совершит убийство и ограбит покойника, то преступника закопать живым в землю. Прощения нет никогда.
- Если кто украдёт в отсутствие хозяина из его дуй-фанзы меха, панты и жень-шень или продвольствие, то преступника связать и бросить в реку. Прощения быть не может.
- Если кто будет послан со срочной запиской и он по своей надобности задержится где-нибудь в дороге, то бить его палками без конца. Прощения нет.

«Приговорённому к телесному наказанию связывают ноги, раздев его, кладут спиною кверху; затем, держа его за голову и за ноги, наносят ему удары не розгами, а палками толщиной около 1 дюйма... Удары наносятся не со всего размаха, но (всё-таки) настолько сильно, что после 20—25 ударов... часть, по которой бьют, очень распухает, и её после наказания всегда натирают ханшином, чтобы опухоль скорее спала» [4, с. 154].

Кроме битья палками, в общинах долин предусматривались и другое наказание — закапывание виновных живыми. «Раненый ружьём или ножом должен находиться под наблюдением *та-е* (судьи) 18 дней и, если не умрёт, виновный подвергается погребению заживо» [4, с. 155].

К крайним мерам относилось и изгнание из долины. Остракизму подвергались те люди, которые в пьяном виде хватались за нож и угрожали кому-либо расправой. За это виновный получал 40 ударов большими палками и изгонялся из долины. На Имане существовал закон, запрещавший местным жителям жаловаться на китайцев русским властям. За такую провинность «виновного» зимой обливали холодной водой до тех пор, пока человек не превращался в ледяную глыбу [3, с. 655—656].

Смертная казнь путём утопления в реке предусматривалась третьим законом за найденный и выкопанный в тайге чужой корень жень-шень. «...искатели жень-шеня, — писал С.Н. Браиловский, — ...имеют обыкновение оставлять жёрдочками найденный молодой корень; такой корень не возьмёт никто другой, кроме нашедшего» [4, с. 146]. По обычаям аборигенов края — удэгейцев, нанайцев, орочей, в т.ч. и уссурийских тазов, обнаруженный в тайге корень жень-шень, очищенный от травы и обтыканный вокруг высокими палочками, считался чужим. Такой корешок являлся не товарным, поэтому его оставляли до следующего года, оградив своеобразным заборчиком. Ни один абориген, найдя такой корень в тайге, не станет его выкапывать, потому что окрестные уголья находятся под наблюдением всевидящих духов. И если нашедший выкопает жень-шень, то об этом поступке, считалось в среде аборигенов, сразу же станет известно всей округе и за это, как говорилось в третьем Законе общества, полагалась смертная казнь путём утопления в реке [3, с. 660].

Четыре закона (№№ 2, 4—6) предусматривали смертную казнь за воровство. По законам *Гуан-и-хуэй*, каждый проникший ночью в складские помещения с воровской целью (№ 2), или похитивший панты — олени рога (№ 4), собольи шкурки (№ 5) или всякий, кто украдёт большое количество посаженного в грядки корня жень-шеня — все подвергались смертной казни путём зарытия живьём в землю [3, с. 660—661].

Большая часть законов долины предусматривала наказание палками от 20 до 40 ударов. В трёх случаях предусматривалось изгнание из территориальной общины, что практически приравнивалось к смертной казни, потому что изгнанника могли убить в любом месте, ибо в этих законах предусматривалась и особая статья, по которой нельзя было оказывать поддержку изгнаннику или разбойнику. Остракизм предусматривался и в том случае, если наёмный охотник, он же должник, возвращаясь с промысла, не оповестив своего кредитора, начинал торговать пушниной с другими людьми. По закону, он вначале должен был показаться своему хозяину, и только на следующий день, с его разрешения, мог продавать добытую продукцию. Если он пытался обмануть, то лишался своего товара, получал 40 ударов палками по спине и после этого изгонялся из округи. Нельзя было продавать на сторону и панты. Если эта незаконная сделка становилась известна кредитору, то покупатель платил за олени рога тройную стоимость, панты забирались в пользу кредитора, а продавцы — «виновные *да-цзы* подлежат сорока палочным ударам» [3, с. 662].

Аналогичные сведения о долинных законах и судьях правых притоков р. Уссури сообщал и Альфтан. «Суд у них, — говорит он, — очень своеобразен; все судьи — китайцы, которые назначаются или китайскими чиновниками или исполняют свои обязанности, по выбору самих инородцев. Число судей обыкновенно три. Эти трое судей обыкновенно зимою объезжают инородческое население по Бикину, Иману и Ваку и творят суд и расправу» [4, с. 153—154].

По долинному законодательству запрещалось сплетничать, злословить и т.д. Некоторые статьи закона обязывали каждого члена общины проявлять особую заботу о своих товарищах и сородичах. Всякий, кто узнает, что его приятель заболел, должен известить об этом кого следует. Если же случалось, что товарищ скоропостижно умирал, то тело надо было доставить в посёлок для освидетельствования. Нарушивший данный закон подлежал наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из округа [3, с. 662].

Однако не только наличие этих правил заставляло аборигенов заботливо относиться к сородичам. У местного населения существовали ещё пережитки родовой общины, когда каждый человек жил по принципу «Один за всех, все за одного». Если учесть, что женская половина тазов была из числа гольдов, удэгейцев, орочей и других аборигенов, то первобытный принцип коллективизма был характерным для семьи тазов. В.К. Арсеньев о подобных случаях сообщал: если о соседях, живущих на той же реке аборигены края долго не имели известий, то посылали к ним кого-нибудь из своей семьи узнать «...здоровы ли те, не случилось ли чего-нибудь, и не нуждаются ли они в какой-либо помощи» [1, с. 154], и если последние нуждались

в материальной поддержке, то они её немедленно получали. «И всё это берётся без отдачи, — отмечал В.К. Арсеньев, — и никому в голову не приходит мысль отказать или просить обратно долг» [2, с. 87].

«Хотя тазы и переняли у китайцев язык и некоторые обычаи, они в конце XIX — начале XX вв. ещё не утратили полностью своих этнических особенностей, связывающих их с другими народами Приморья и Приамурья. У них долгое время особым образом обнаруживались такие черты, характерные для людей родового строя, как прямодушие, глубокая честность, бескорыстное стремление помочь человеку, оказавшемуся в беде» [6]. Полный отрыв от родовой общины, когда люди стали экономически менее зависимыми от сородичей рода и общественные отношения подверглись деформации. Отсутствие традиционной родовой организации особенно негативно стало отражаться на одиноких стариках, которые иногда оставались без надзора со стороны родственников. Так, например, в тазовском с. Михайловка «одним из первых жителей села был дедушка Ямпо. Он появился в селе вместе с другими переселенцами из Чугуевки, будучи уже в преклонном возрасте. Он жил один в старой корейской фанзе, возделывал на своём огороде разные сельскохозяйственные культуры» [8]. Этот старик пользовался уважением всех тазов села. Однако вторую половину 1970-х гг. «...Ямпо провёл в доме престарелых, куда его определили ввиду отсутствия каких-либо родственников» [5].

Естественно, что во взаимодействии между тазами разных кланов случались нарушения общепринятых норм взаимных отношений или правил. Тогда, согласно долинным законам, к нарушителям традиционных взаимоотношений применялись меры коллективного воздействия. Например, за непочтительное отношение к старшим виновного били палками, за более тяжкие преступления били палками и изгоняли из общины, после чего преступник не имел больше права показываться не только на реке, где жила его семья, но и на двух соседних. Если изгнанник селился в непопозволенном месте, то при встрече его убивали [ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 32].

Среди тазов, гольдов, орочей и других аборигенов края не было воровства. «Вор, по их понятиям — урод, сумасшедший, — писал В.К. Арсеньев. — Зачем красть, когда сородич и так даст просимое, если только у него оно имеется. Поэтому их жилища и амбары никогда не запираются. Замков ни у кого нет. Только входная дверь в балаган подпирается колом или палкой, чтобы ветер её не открыл, и чтобы туда случайно не зашла собака» [1, с. 154].

Анализ общественных отношений инородческого населения Приморья свидетельствует о том, что китайцы вплоть до начала XX столетия имели огромное влияние на мировоззрение и хозяйство тазов, гольдов и другого аборигенного населения Приморья. Воздействие же русской власти на культуру тазов, удэгейцев и других малочисленных этносов края было номинальным, что заметно в обиходном общении. С.Н. Браиловский отмечает, что удихе «русского языка не знают, а китайский язык знают подчас лучше своего родного» [4, с. 156]. Ситуация меняется только в 30-х гг. XX в., когда из Приморья были выселены все китайцы и корейцы, а тазы, свезённые в одно большое селение, стали больше контактировать с русскими и знакомиться с их культурой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы // Сочинения. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 137—188.
2. Арсеньев В.К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901—1911 гг.) // Сочинения. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 3—110.
3. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. 1900—1908 гг. Доклад (Читано в заседании Отделения Этнографии И.Р.Г.О. 25 февр. 1911 г.) // Собр. соч. в 6 т. Научно-практические публикации, отчёты, доклады. 1906—1916 гг. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2012. Т. 3. С. 631—666.
4. Браиловский С.Н. Тазы или уди́не: Опыт этнографического исследования (отд. оттиск из жур. «Живая старина»). СПб., 1901. 223 с.
5. Будкина Л. Михайловка — село родное // Заветы Ленина, 2002, 31 янв.
6. Грейфенгаген В. Люди Сихотэ-Алинских гор // Заветы Ленина, 1985. 26 сент.
7. Сем Ю.А., Сем Л.И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX—XX вв.) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. Т. X. 172 с.
8. Улайси Т. Село встречает юбилей // Заветы Ленина. 2006, 16 марта.
9. ПФА РАН (Санкт-Петербургский филиал арх. Российской академии наук).

REFERENCES

1. Arsen'ev V.K. Lesnye ljudi udjehejcy [The Udege people — forest people]. *Sochinenija* [Works]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1948, vol. 5, pp. 137—188. (In Russ.)
2. Arsen'ev V.K. Kratkij geograficheskij ocherk Ussurijskogo kraja (1901—1911 gg.) [Brief geographical essay of the Ussuri Region (1901—1911)]. *Sochinenija* [Works]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1948, vol. 5, pp. 3—110. (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. Kitajcy v Ussurijskom krae. 1900—1908 gg. Doklad (Chitano v zasedanii Otdelenija Etnografii I.R.G.O. 25 fevr. 1911 g.) [Chinese in the Ussuri Region. 1900—1908. A report (Read during the meeting of the Ethnography Branch of the Imperial Russian Geographical Society, February 25, 1911)]. *Sobranie sochinenij v 6 tomah. Nauchno-prakticheskie publikacii, otchety, doklady. 1906—1916 gg.* [Collected works in six volumes. Theoretical and practical publications, records, papers. 1906—1916]. Vladivostok, Tihookeanskoe izd-vo "Rubezh" Publ., 2012, vol. 3, pp. 631—666. (In Russ.)
4. Brailovskij S.N. *Tazy ili Udihe: Opyt etnograficheskogo issledovaniya (otd. Ottisk iz zhurnala "Zhivaya starina")* [The Taz people or the Udege people: Ethnographic research (Reprint from the journal "Zhivaya starina")]. St. Petersburg, 1901, 223 p. (In Russ.)
5. Budkina L. Mihajlovka — selo rodnoe [Mikhaylovka — a native village]. *Zavety Lenina*, 2002, January, 31. (In Russ.)
6. Grejfenagen V. Ljudi Sihotje-Alinskih gor [People of Sikhote-Alin Mountains]. *Zavety Lenina*, 1985, September, 26. (In Russ.)
7. Sem Ju.A., Sem L.I. Tazy: etnicheskaja istorija, hozjajstvo i material'naja kul'tura (XIX—XX vv.) [The Taz people: ethnic history, economy, and material culture (19th—20th centuries)]. *Trudy IIAJe DVO RAN* [Proceedings of IHAЕ FEB RAS]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2001, vol. X, 172 p. (In Russ.)
8. Ulajsi T. Selo vstrechaet jubilej [The anniversary of the village]. *Zavety Lenina*, 2006, March, 16. (In Russ.)